

Глава 9

АВСТРАЛИЙСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ С. Г. СКОТТА

Настоящая глава представляет собой подбор фактов (ранее малоизвестных или совершенно неизвестных), которые могут дополнить общие представления о происхождении австралийских вещей из старинных собраний МАЭ, как считалось, относящихся исключительно к привозу экспедиции 1819–1821 гг. под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена.

Первое систематическое описание Австралии появилось в России в 1790 г. на страницах «Новых ежемесячных сочинений», издававшихся Императорской Академией наук в 1786–1796 гг. Эта публикация представляла собой избранные места из записок капитана Тенча, напечатанных в 1789 г. в Лондоне под заглавием «Известие об экспедиции в Ботани Бэй» (“Narrative of the Expedition to Botany Bay”)¹. Переводчик и составитель (вероятно, кто-то из членов академии) счел необходимым расширить оригинальное заглавие: «Известие об экспедиции в залив Ботани с описанием новооткрытой земли полуденной Галлес, о ее произведениях, жителях, и проч., с присовокуплением описания о военном и гражданском установлении в пристани Жаксон. Соч. Г. Капитаном Тенчем. Такое экзотическое название Нового Южного Уэльса — «Галлес» — является транскрипцией с французского языка (“Nouvelle Galles Meridionale”). Для этнографов особенно примечательна характеристика австралийского континента как «отдаленнейшей части востока» [Известие 1790: 23].

В контексте истории коллекций упоминание Австралии под именем «Новой Голландии» впервые встречается в протоколах Императорской Академии наук под 1802 г. в связи с пополнением собраний Академии наук. К сожалению, речь шла не об этнографиче-

---

¹ В «Росписи заглавиям сочинений на май месяц» предлагается другой вариант перевода заглавия: «Повесть об Экспедиции в залив Ботани...».

ческой вещи, но само сообщение вполне этнографично (см. главу 6). 18 августа 1802 г. на Ученом собрании (Конференции) было зачитано письмо Вакселя: “Le même (непременный секретарь Фусс. — П.Б.) lut une lettre d M^r le Conseiller de Cour Waxell datée d Londres le 1^r Juillet 1802 qui en envoyé pendant les vacances un Kangarou pour le Musée academique & qui donné quelques notices sur le quadrupede de la Nouvelle Hollande”¹ [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 13. Л. 68–69].

С этнографической точки зрения данное событие интересно, пожалуй, тем, что “quelques notices sur le quadrupede” Вакселя содержат попытку дать информацию этнографического характера, касающуюся коренного населения Австралии. Приведем основную часть письма от 1 июля 1802 г.

“Son pays natal est la nouvelle Hollande et les naturels de pays l’appellent Patagarang; il habite preferablement les forets et ne se nourrit que de vegetaux; on va à chasse avec des chiens qui cher[c]hent à le saisir au gosier; le Kangarou se defend rigoreusement contr’eux et souvent les chiens demeurent sur la place. Cet animal a une force excessive dans ses pieds de derriere et dans sa queue, qui a quelque fois 40 pouces de long sur 17 de circonférence à sa racine. Quand il fuit étant poursuivi il saute sur ses pieds de derriere et franchit à chaque saut environ trente pieds; sa queue lui est d’un grand secours dans ces sauts prodigieux et en même tem[p]s une de ses principales défenses; elle lui sert quelquefois aussi de soutien et de point d’appui. Ses pieds de devant ne touchent pas la terre dans sa fuite et ils sont si courts, qu’il lui est impossible d’en faire usage alors”² [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. № 27. Л. 62–62 об.].

¹ «Он же зачитал письмо Г^{на} Надворного Советника Вакселя из Лондона от 1го июля 1802 года, который прислал во время каникул Кенгуру для академического Музея и который сделал несколько замечаний об этом четвероногом Новой Голландии».

² «Его (кенгуру. — П.Б.) родина — Новая Голландия, и коренные жители страны называют его Патагаранг; он обитает в основном в лесах и питается только растениями; охотятся на него с собаками, которые стремятся схватить его за горло; кенгуру яростно отбивается от них, и собаки часто остаются на месте [бездыханными]. Это животное имеет огромную силу в своих задних ногах и в своем хвосте, который в некоторых случаях достигает длины в 40 пядей при толщине основания в 17 пядей. Когда его преследуют, он прыгает на своих задних ногах и при каждом прыжке покрывает примерно тридцать пядей; его хвост помогает ему при его громадных

Что, собственно говоря, нового мы узнаем из письма Вакселя? Помимо прочего, говорится о его методах сбора информации о приобретаемых предметах, что позволяет под несколько иным углом взглянуть также на то, что и как он сообщал об этнографических вещах, посылаемых в Академию наук.

Информацию он старался получать из первых рук, хотя, безусловно, местом ее сбора для него был Лондон. Имя его информанта неизвестно, но им мог быть продавец, побывавший в Австралии, поскольку, по словам Вакселя, животное было привезено совсем недавно (“*depuis peu*”). Сообщение о том, что коренные жители Австралии охотились на кенгуру с собаками, которые «хватали жертву за горло» (“*on va à chasse avec des chiens qui cherchent à le saisir au gosier*”, “*le Kangarou se defend rigoureusement contr’eux et souvent les chiens demeurent sur la place*”), не вполне согласуется с более поздними этнографическими данными по традиционной охоте аборигенов. По мнению полевых этнографов, собаки динго помогали австралийским охотникам лишь преследовать кенгуру. Однако их сведения происходят не из личных наблюдений этнографов, а из рассказов их информантов, австралийских охотников. Так что неизвестно, каким образом все это происходило на самом деле [Роуз 1989: 108, 266]. Из некоторых деталей письма Вакселя вытекает, что австралийские аборигены знали не только коллективную охоту загоном или охоту преследованием с помощью собак, но также охоту травлей, напуская на зверя свору собак динго.

Достоверность описания австралийской охоты, несомненно, самой ранней по времени письменной фиксации этого явления, невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть за отсутствием других современных ему свидетельств. Однако бесспорным фактом является то парадоксальное обстоятельство, что охота как таковая всегда оставалась наименее изученным явлением культуры коренного населения Австралии. «Вследствие того что охота с метательным копьем велась в основном индивидуально, — пишет Ф. Роуз, — ее редко могли наблюдать посторонние. В результате отчеты о ней являлись логической интерпретацией исследователя на основе его

прыжках и в то же время служит одним из главных средств защиты; он иногда также служит для поддержания равновесия и в качестве точки опоры. Его передние ноги при беге не касаются земли и они столь коротки, что ими невозможно пользоваться в таких случаях».

собственных предположений о том, что происходит на такой охоте, и также на основе тех ограниченных наблюдений, которые ему действительно удавалось сделать» [Там же: 114]. На этом фоне сведения, содержащиеся в письме Вакселя, приобретают значение самого раннего этнографического источника по «особенностям» традиционной охоты коренного населения Австралии, по крайней мере, в районе современного Сиднея.

Начало установления «объективированных» культурных связей между Австралией и Россией на почве музейной этнографии до сих пор было принято относить ко времени сборов экипажей кораблей Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, посетивших Порт-Джексон (совр. Сидней) в 1820 г. Возможно, по той причине, что в состав данной коллекции наряду с многочисленными зоологическими предметами входили и предметы этнографического характера. Это собрание, которое выделяется в качестве составной части коллекции № 736, традиционно считающейся собранием предметов из русских кругосветных путешествий первой четверти XIX в., очень невелико по числу экспонатов. Ориентировочно можно насчитать 10–20 предметов. Назвать более точную цифру трудно в связи с теми сложностями, о которых будет сказано ниже.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) обладает достаточно обширными коллекциями по традиционной культуре народов Австралии. В частности, коллекция № 1336, поступившая от классика австраловедения Б. Спенсера в 1908 г. Предметы этой монографической по своему характеру коллекции в качестве своего рода «живой» иллюстрации являются, по сути, частью основополагающего труда «Туземные племена Центральной Австралии», созданного Б. Спенсером в соавторстве с Ф. Дж. Гилленом в 1899 г. Однако и эта коллекция, и другие австралийские коллекции МАЭ начала XX в. (при всей их несомненной научной ценности в плане полноты отражения этнографической реальности) характеризуют культуру аборигенов Австралии конца XIX — начала XX в. Австралийские предметы из коллекции № 736 старше на целое столетие.

Как известно, передача коллекций экспедиции Беллинсгаузена в Музей Государственного Адмиралтейского департамента состоялась в 1822 г. В сопроводительных списках 1822 г., в частности в «Ведомости 3 Оружиям раковинам караллам и прочим вещам привезенным экспедициею от Южнаго полюса», австралийские предметы никак не

выделяются по принятому в то время географическому названию «Новая Голландия» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 579. Л. 24–25]. Но, поскольку экспедиция Беллинсгаузена считалась единственным возможным источником поступления австралийских вещей, относящихся к этой эпохе, несколько австралийских предметов из коллекции № 736 из МАЭ традиционно соотносились именно с этой экспедицией.

Экспедиция Беллинсгаузена достаточно хорошо освещена историками и этнографами. Казалось бы, также хорошо изучены австралийские предметы, привезенные русскими моряками из этой экспедиции. Во всяком случае, как уже сказано, до сих пор считалось, что все австралийские предметы из коллекции № 736 относятся к числу приобретений участников плавания на кораблях «Восток» и «Мирный» в 1819–1821 гг. В описи Е. Л. Петри, составленной при первой регистрации коллекции № 736 в 1903 г., и в описи Л. Г. Розиной, составленной в 1957 г., в качестве источника поступления австралийских вещей указывается Музеум Адмиралтейского департамента. Поскольку в 1828 г. этнографические коллекции Музеума Адмиралтейского департамента были переданы в Музеум Академии наук, подобные свидетельства в описях могли указывать исключительно на их принадлежность к сборам экспедиции Беллинсгаузена. Дополнительным аргументом могло служить и то обстоятельство, что данное путешествие было единственным плаванием русских кораблей в Австралию в первой четверти XIX в., относительно которого были известны документальные подтверждения привоза этнографических предметов.

До определенного времени единственным поводом для сомнений в истинности общепринятой концепции происхождения австралийских вещей из коллекции № 736 была пропавшая коллекция Л. А. Гагенмейстера (см.: [Массов 1993: 69–74]). Некоторые источники сообщают, что сбор коллекций по этнографии производился также во время визита в Австралию в 1807 г. корабля «Нева», которым тогда командовал Гагенмейстер [Там же]. Никаких упоминаний о поступлении этой коллекции ни в документах Музеума Адмиралтейского департамента, ни в протоколах Академии наук пока обнаружить не удалось, а в силу достаточно большого количества изученных нами материалов, связанных с музейными поступлениями того времени, такая вероятность чрезвычайно мала. Отсутствуют и какие-либо косвенные свидетельства наличия подобных вещей в старых коллекциях МАЭ, если коллекция Гагенмейстера поступи-

ла в Музеум Адмиралтейского департамента без соответствующего указа. Скорее всего, вещи, привезенные из плавания 1807 г., так и не попали в музейные собрания Санкт-Петербурга.

Реальность существования другой коллекции Гагенмейстера, поступившей в Музеум Адмиралтейского департамента по указу № 794 (получен 20 ноября 1819 г.), подкреплена двумя документами: реестром «представленным в Музеум от Г^{на} Капитан-Лейтенанта Гагенмейстера редкостям» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 764. Л. 6] и «Генеральной описью вещам, поступившим в Музеум с 1805 года» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 1–167]. Впоследствии из этой небольшой коллекции, насчитывавшей 12 наименований, по указу 1827 г. в Академию наук были переданы следующие предметы: «Одежда королевы Сандвичевых островов /: Кеаумина:/ одной из жен короля Каиагимера Одежда называется Таппа или Каппа 1» и «Ниток жиленых кадьякской вязки пучков 2» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 1–167]. В Ведомости редкостям из МАЭ этому соответствуют строки: «Одежда Королевы Сандвичевых островов: большой кусок белой материи: одна» и «Рукоделий из рыбьих кишок два мотка» [МАЭ РАН. К-IV. Оп. 1. № 16/1, 2, 3]. (Если быть точным, речь идет о двух строках Ведомости редкостей: «Одежда Королевы Сандвичевых островов /: большой кусок белой материи: одна :/» и «Тож серая с белым одна», поскольку упомянутую строку в Генеральной описи МГАД правильно читать как две отдельные строки: «Одежда королевы Сандвичевых островов /: Кеаумина:/ одной из жен короля Каиагимера» и «Одежда называется Таппа или Каппа». В коллекции № 737 с этими наименованиями можно сопоставить две многослойные, сшитые по краю тапы: белая, богато украшенная орнаментом тапа № 737-5 и серая № 737-24. Таким образом, в 1819 г. Гагенмейстер привез в Санкт-Петербург именно два образца очень дорогой тапы (капы) с Гавайских островов.)

С плаванием корабля «Нева» в Австралию в 1807 г. по времени коррелирует безымянное поступление в Музеум Адмиралтейского департамента от 11 января 1809 г. по указу № 68. Это поступление содержит чертежи с изображением различных объектов Новой Голландии, или, как указано в «Генеральной описи», «Планы[,] фасады и прочее»: «План бассейна в Новой Голландии»... «Новой Голландии», «Острову Новой Голландии», «Средней части Сараев в [Новой] Голландии», «Прожект каменным стенам с Новой Голландии», «Фасад карниза что в [Новой?] Голландии»... «План Карнизу Новой

Голландии»... План острову Новой Голландии с показанием на оном каменных сараев для хранения дубоваго леса», «план острова Новой Голландии _____ 1767 года»... «Фасад с (неразборчиво. — П.Б.) повредившемуся в Новой Голландии карнизу»... «План Новой Голландии и (неразборчиво. — П.Б.) по машинной должности»... «План повредившемуся карнизу в Новой Голландии» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 25–63].

Скорее всего, перед нами список чертежей архитектурного комплекса Новая Голландия в Санкт-Петербурге, не имеющий никакого отношения к пропавшей австралийской коллекции Гагенмейстера. Но не упомянуть об этом с нашей стороны было бы методически неверно. Среди переданных вещей есть те, что могли быть привезены Гагенмейстером. Наряду с чертежами строений Новой Голландии поступило «Байдар диких народов обтянутых кожей две», а также «Чертежи разнаго рода судов», включая чертежи «Малой лодки», «Плоскодонной легкой лодки», «Лодки», «Лодки», «4^x плоскодонных лодок», «Островской лодки 24^x весельной», «Островской лодки»¹ и т.д. [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1203. Л. 25 об., 83–99]. В данном случае наименование «островской» может указывать на острова Тихого океана. Однако, если наша гипотеза о связи перечисленных предметов с именем Гагенмейстера верна, ее подтверждение будет говорить скорее в пользу того, что этнографические вещи, приобретенные в Австралии в 1807 г., по каким-то причинам действительно не достигли Санкт-Петербурга.

Вещи из собраний экспедиций Беллинсгаузена в интересующем нас плане (имеется в виду ее австралийский компонент) давно привлекают внимание западных исследователей. В книге “The Russians at Port Jackson. 1814–1822” (1981) Глинна Барратта, много лет занимавшегося изучением и систематизацией исторических и этнографических материалов по дневникам участников русских кругосветных плаваний первой четверти XIX в., опубликованы следующие предметы: 1) бумеранг № 736-186, 2) палица № 736-190, 3) щит № 736-273, 4) копьё № 736-276, 5) копьё с зазубренным наконечником № 736-279 (на фотографии под литерой А вместе с наконечником № 736-279 помещено также древко копья № 736-275), 6) древко копья № 736-274, 7) древко копья № 736-278, 8) острога

¹ По Далю, острóвка, островская лодка — плоскодонное суденышко, для мелководья.

№ 736-280 [Barratt 1981: 86–91; Plate V–VIII]. Однако этот список далеко не исчерпывающий. Согласно существующим описям МАЭ, в коллекции № 736 находится еще несколько предметов явно австралийского происхождения: щит № 736-185, щит № 736-187, копьёметалка № 736-188, палица № 736-189. Эти предметы, как и опубликованные Барраттом, в описях МАЭ 1903 и 1957 гг. отмечены как австралийские — иногда под вопросом — вещи, поступившие из Музеума Адмиралтейского департамента.

К сожалению, как уже отмечалось, сопроводительный список предметов, привезенных экспедицией Беллинсгаузена, носит слишком «закрытый» характер, чтобы на него можно было опереться при идентификации вещей методом подбора (см. приложение 4 «Оружия диких и проч. 23 Сентября»). Как можно видеть, лишь немногие вещи в этом списке выделены отдельной строкой (см. табл. XXXI).

Если щит № 736-185 нами верно атрибутирован как происходящий не из сборов экспедиции Беллинсгаузена (см. ниже), то из всех австралийских вещей по вышеприведенному списку можно определить как принадлежащий к этим сборам только «Щит новозеландской один». Причем в коллекции № 736 лишь один предмет подходит под это определение (с учетом ошибочного указания на географию предмета) — австралийский щит № 736-187.

В целом коллекция № 736 включает не только вещи из бывшего Музеума Адмиралтейского департамента, но и вещи, которые к тому времени уже находились в здании Кунсткамеры, а кроме того, предметы австралийского происхождения могли попасть в Россию не только из русских кругосветных плаваний — в коллекциях иностранных собирателей [Белков 2007: 45–55]. Первое замечание касается бумеранга № 736-186, второе — австралийского щита № 736-185.

На бумеранге № 736-186 наклеена старинная текстовая этикетка с рукописной надписью «Орудие против неприятеля жителей Новой Голландии». В главе 8 нам, как кажется, удалось показать, что предметы с такими этикетками входили в состав коллекции М. Н. Васильева 1823 г. По всей видимости, именно отсутствие сопроводительного списка коллекции Васильева привело к тому, что для специалистов, изучающих историю австралийских и океанийских коллекций МАЭ, оставался незамеченным факт посещения кораблями Васильева и Шишмарева Австралии и Гавайских островов. О работах Д. Д. Тумаркина 1960 и 1983 гг. мы уже упоминали. В 1997 г. А. Я. Массов опубликовал статью с акцентом на истории

Таблица XXXI

Веревки из шнурков из растений тринадцать	13
Нитки черные служащая нарядом диких народов кусок один	1
Сеть из травы /:Новозеландского льна:/ одна	1
Шнурков из льна два	2
Рогож из коры сплетенных больших две	2
Рогож малых три	3
Рогожка таковая же выплетенная полосами одна	1
Таковых же тонких три	3
Рогожа подаренная Императору Александру 1 ^{му} от короля острова Дружества и Помори	1
Сумок выплетенных из коры пять	5
Поясов из коры выплетенных два	2
Рогожек тонких из коры с бахрамою две	2
Головной убор, выплетенный из коры один	1
Рукоделия из Новой Голландии, выплетенные из льна белыя с черными каймами три	3
Таковых же с бахрамами два	2
Темных с полосами два	2
С черною каймою одно	1
Рукоделий, выделанных из дерева служащих для прикрытия, двадцать пять	25
Красно белаго цвета материй три	3
Желтой материи с красными цветами двадцать семь	27
Желтой материи один кусок	1
Белой материи один кусок	1
Белой набивной для постилок десять	10
Веер выплетенный из коры один	1
Разных плетеных сумок шесть	6
Разных одежд одиннадцать	11
Чашек из кокосовых орехов семь	7
Кувшинов из морских растений пять	5
Сосудов разных четыре	4
Разного сорта орудий диких народов двести тридцать	230
Калчанов четыре	4
Луков диких народов четыре	4
Стрел шестдесят	60
Род шлемов из кокосовых прутьев три	3
Щит новозеландской один	1
Весел разного сорта двадцать	20
Леек шесть	6

пребывания шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» именно в Австралии [Массов 1997: 213–216]. Но и это сообщение, хотя оно было размещено вроде бы на самом видном месте — в «Маклаевских чтениях» МАЭ, то есть в одном из профильных изданий по Австралии и Океании, — тоже долгое время оставалось за рамками внимания исследователей, изучающих историю океанийских и австралийских коллекций МАЭ.

Знакомство с материалами экспедиции М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева позволяет пролить узкую полоску света и на судьбу пропавшей коллекции Гагенмейстера. В списке рисунков участника экспедиции академика живописи Е. М. Корнеева значится рисунок «Маски и Шапки Колош или Колижан употребляемые ими при празднествах, взято из музеяма Российской Американской Компании» (проблему поиска рисунков Корнеева уже затрагивал в своих статьях Д. Д. Тумаркин, однако их местонахождение обнаружить пока не удастся) [РГАВМФ. Ф. 162. Оп. 1. № 5. Л. 96 об.]. К сожалению, кроме этого случайного упоминания, о музееме Российско-Американской компании более ничего неизвестно. В частности, неизвестен год его создания. Однако исходя из самого факта существования такого музея кажется вероятным следующее. Австралийская коллекция Гагенмейстера могла быть намеренно оставлена им в Новоархангельске, на Аляске, перед его возвращением в Санкт-Петербург сухопутным путем через Сибирь.

Несколько проще обстоит дело с австралийским щитом № 736-185, сведения о котором ранее никогда не публиковались. Правда, все выглядит просто только теперь, на фоне исследований старинных этикеток, связанных с предметами из ранних коллекций МАЭ (см. выше). На предмет № 736-185 наклеена «узкая» номерная этикетка Музеума Адмиралтейского департамента «No. 42» и текстовая этикетка «No. 42 Палица к щиту из Новой Зеландии». Поскольку теперь можно считать доказанным, что этикетки этого типа («узкие» этикетки со значком «No.») датируются 1819 г. (см. главу 5), мы должны исключить щит № 736-185 из списка предметов, поступивших в Музеум вместе с вещами из экспедиции Беллинсгаузена.

Упоминание этого предмета мы находим в Ведомости Бестужева. В той строке, которая соответствует порядковому номеру «42», записано: «Палица к щиту из Новой Зеландии одна». В следующей

строке значится «Щит из Новой Зеландии один». Ниже примечание: «NB От капитана Скотта» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 1—232]. Таким образом, австралийский щит № 736–185 поступил в Музеум Адмиралтейского департамента в 1808 г. от капитана первого ранга Скотта. В списке Скотта и затем в Генеральной описи Музеума записано: «Деревянный щит с деревянным при оном орудии из Новой Зеландии» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1128. Л. 16—17; № 1139. Л. 80—81; № 1203. Л. 20 об.—21 об.]. Ошибочная географическая привязка — довольно обычное явление для той эпохи. Недоразумение с определением функции этого предмета, которое Л. Г. Розина специально отмечает в своей описи 1957 г., объясняется узкой, сильно удлинённой формой данного предмета, который неискушённый человек действительно может сравнить с орудием, похожим на палицу.

Отметим, что в Ведомость Бестужева эти две вещи были внесены уже раздельно: «Палица к щиту из Новой Зеландии одна» и «Щит из Новой Зеландии один». При условии, что «палица к щиту из Новой Зеландии» нами определена правильно под № 736–185, сам «щит из Новой Зеландии», скорее всего, является австралийским щитом блокирующего типа, то есть имеет форму, соответствующую европейским представлениям о защитном вооружении такого рода. Если нет ошибки в документах, этот щит из коллекции Скотта был передан в 1827 г. в Музеум Черноморского департамента (название совпадает: «Щит деревянный один» с пометкой «1808 указ № 279») [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 771. Л. 6].

Этот пропавший щит может быть аналогичен щиту из коры, ныне хранящемуся в Британском музее. Последний же идентифицируется как единственный артефакт, относящийся к сборам куквской экспедиции в Австралию в 1770 г. А поскольку «палица» и «щит» из списка Скотта хронологически «привязаны» друг к другу, щит № 736–185 вполне может оказаться ровесником щита из Британского музея. Визуальная древность этого экспоната (включая способ обработки) даже в сравнении со щитом № 736–187, привезённым экспедицией Беллинсгаузена, такому предположению не противоречит.

Впрочем, относительно местонахождения австралийского щита, который, согласно документам 1827 г., был передан в Музеум Черноморского департамента, можно выдвинуть некоторые предположения. Но в списках Адмиралтейского департамента того вре-

мени часто встречаются ошибки: одни вещи передавались, но из дел департамента не исключались, другие, наоборот, из дел департамента исключались, но здание Адмиралтейства не покидали. Если с этой точки зрения более пристально вчитаться в рубрику «Новой Зеландии» Ведомости редкостям, под соседними номерами можно найти «(129) Щит деревянный с палицею один» и «(130) Оружие, чтобы отводить удары одно». Эта пара предметов вполне подходит для описания австралийского щита блокирующего типа и австралийского щита парирующего типа.

Австралийская палица № 736-189 (ранее в научных публикациях этот предмет никогда не фигурировал), по своей форме отдаленно напоминающая меч, снабжена номерной «белой» этикеткой с номером «1». Это явно указывает на то, что палица поступила в Музей в период, близкий к его основанию, что соответствует времени приобретения коллекции капитана Скотта (1808 г.). В то же время высокий порядок цифр на так называемых «белых» этикетках МГАД свидетельствует, что копьё № 736-276 с этикеткой «394» и тростниковое древко № 736-279 с этикеткой «397» происходят из сборов экспедиции Беллинсгаузена [Белков 2007: 45–55].

К австралийской палице № 736-189, если держать в уме порядок номеров на «белых» этикетках (см. приложение 8), могут приывать три предмета неизвестного назначения: № 736-269, 736-270 и 736-271. В описи коллекции № 736 они обозначены как «метательные палки» из Новой Зеландии. Однако по внешнему виду они отдаленно напоминают австралийские предметы, что-то вроде остовов копьеметалок, хотя их точные аналоги автору неизвестны [Белков 2010: 317–322]. Одно все-таки несомненно: все три предмета входили в коллекцию Скотта наряду с палицей № 736-189. Именно они упоминаются в 11-й строке Ведомости Бестужева под вокабулой «Оружий диких с Сандвического острова Оваиги, отнятые у диких по взятии Капитана Кука шесть». От других поступлений эта запись отделена пометкой «NB От капитана Скотта» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 1–232]. Разумеется, само по себе упоминание имени Кука не является решающим аргументом в пользу куковского происхождения этих вещей. Подобные характеристики являются обычным дилерским приемом того времени. Здесь, кажется, нельзя не вспомнить одно место из книги Ш. Августина (см. главу 1): «Указания на области, “которые посетил Капитан Кук”, или, соответственно, место, “где Капитан Кук нашел свою

гибель”, сами по себе не могут играть роль доказательства сбора этих вещей во время путешествий Кука»¹.

На предмете № 736-269, представляющем собой плоскую палку, один конец которой заострен, а другой, более широкий и плоский, закруглен, сохранилась подобная этикетка с едва различимой надписью “*Throwing sticks from New Zealand*”. На аналогичном по форме предмете № 736-270 остался только маленький обрывок такой этикетки без следов надписи. На этом предмете также имеется печатная «белая» этикетка Музеума Адмиралтейского департамента с цифрой «5». На третьем предмете подобного рода, № 736-271, с процарапанным орнаментом в виде меандра, следов текстовой этикетки с надписью на английском языке нет, но есть печатная «белая» этикетка с цифрой «6».

Надо иметь в виду, что “*throwing stick*” — устаревший термин для обозначения понятия “*spear-thrower*” («копьеметалка»). Попросту говоря, “*throwing stick*” — это не то, *что* метают (букв. «метательная палка»), а то, *чем* метают. Наличие смолы (остатков крепления упора для древка копья?) на концах некоторых из этих предметов не противоречит версии, согласно которой они могут представлять собой австралийские копьеметалки. Однако автору этих строк копьеметалки такого типа не встречались в каких-либо зарубежных каталогах.

В данный момент важно другое. Если мы объединим «копьеметалки» № 736-269, 736-270, 736-271 и палицу № 736-189, то получим четыре предмета, которые по амплитуде трех номеров на этикетках (1. ... 5. 6.) попадают в самое начало Ведомости редкостям, в раздел «Сандвичевы острова», который открывается статьей «Орудий, отнятых у диких по убиении Капитана Кука пять». Это смещение вверх по списку связано с инвентаризацией 1827 г., до того как в 1828 г. состоялась передача коллекций Музеума Адмиралтейского департамента в музейное собрание Академии наук [Белков 2007: 52]. Еще ранее одно из «орудий, отнятых при убиении Кука», было передано в Черноморский департамент (следы этого предмета теряются в истории вместе со следами Музеума Черноморского департамента

---

¹ Приписывая пяти «оружиям» из Ведомости редкостям куковское происхождение только на основании соответствующего анонса «отнятым у диких по убиении Капитана Кука», Л. А. Иванова совершает ошибку, от которой предостерегает Августин [Иванова 2009: 112].

в середине XIX в.) [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 771. Л. 5]. Поэтому в Ведомости редкостям числятся пять предметов из шести.

Пятый предмет из числа «орудий убийства Кука» — бамбуковый лук № 736-1 с рукописной этикеткой на английском языке, такой же, как на предмете № 736-269. Надпись почти стерта, удается прочесть только отдельные слова: “...ew Guine ... [stick] ... used in *Battle*”. Данная этикетка наклеена поверх другой, более узкой этикетки с трудно читаемой надписью, включающей географическое название “Otaheite” и оканчивающейся, как кажется, словом “stick” (см. выше: “throwing stick”)¹.

На остальных предметах из коллекции № 736, традиционно атрибутируемых как австралийские, отсутствуют какие-либо указания в виде этикеток. Однако при определенном сочетании известных фактов их атрибуция, по крайней мере предварительная, не вызывает больших затруднений. Так, идентификация предмета № 736-185 методом «отскока» делает возможной идентификацию другого австралийского щита парирующего типа — № 736-187. Методом исключения этот предмет можно соотнести с входной строкой описи вещей, привезенных экспедицией Беллинсгаузена: «Щит новозеландской» (еще один пример довольно распространенной в те времена ошибки неразличения австралийских и новозеландских предметов). Палица № 736-190 также может быть, по крайней мере гипотетически, отнесена к сборам экспедиции Беллинсгаузена. Изображение подобного предмета на известном рисунке из альбома участника экспедиции художника П. Н. Михайлова вряд ли является случайным совпадением. Учитывая сравнительную «свежесть» копьёметалки № 736-188, ее также можно отнести скорее к коллекции Беллинсгаузена.

Так называемый «щит» № 736-273 полностью выпадает из ряда не только австралийских, но и этнографических вещей как таковых. Согласно Глинну Барратту, “narrow wooden parrying shield (incomplete)” [Barratt 1981: 89, Plate 89]. По описи Е. Петри: «Небольшой узкий деревянный щит грубой работы». По описи Л. Г. Розиной: «Щит деревянный, узкий с заостренными и приподнятыми концами. Наружная и внутренняя сторона двугранные. С внутренней стороны посредине двугранный же выступ с четырьмя обломан-

---

¹ Это слово выступает на месте оторванного уголка верхней этикетки.

ными деревянными шпеньками в нем». Внешнее сходство с австралийскими щитами парирующего типа, безусловно, имеется, хотя щиты именно такой формы в Австралии не встречаются, даже если предположить, что это незаконченное изделие.

Общепринятому истолкованию этого предмета противоречит прежде всего наличие четырех симметрично расположенных «ко-решков», оставшихся от палочек, служивших в качестве средства соединения с какой-то конструкцией. Объяснить этот факт можно только одним способом: перед нами поплавок от модели лодки с аутригером. Чтобы это увидеть, достаточно расположить этот загадочный предмет не вертикально (то есть как «щит»), а горизонтально, то есть как поплавок. Является ли этот предмет одним из «орудий убийства Кука» из коллекции Скотта или деталью одной из моделей лодок, входивших в состав дарений русских мореплавателей, теперь сказать почти невозможно.

Среди предметов коллекции № 736, опубликованных Барратом в качестве вещей из коллекции Беллинсгаузена (см.: [Barratt 1981: 12]), должны находиться также два предмета из сборов А. П. Лазарева во время плавания на шлюпе «Ладога» в 1822–1824 гг., который заходил в г. Хобарт, столицу Тасмании, в 1823 г. В списке вещей, сданных А. П. Лазаревым в Музей Адмиралтейского департамента, мы находим «Два копыя жителей Вандименовой земли» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 764. Л. 26–27]. Эти два предмета, согласно пометам в Генеральной описи МГАД, были сданы в Академию наук в 1828 г. и проходят по Ведомости редкостям.

Окончательная локализация тасманийских предметов зависит от того, насколько точно удастся выделить новогвинецкие орудия из первой экспедиции Головнина, которые, как можно предположить по некоторым признакам, находятся среди «австралийских» копий, приписываемых экспедиции Беллинсгаузена. В настоящее время местонахождение новогвинецких предметов данного рода из коллекции В. М. Головнина не установлено, поскольку по материалу, форме и способу изготовления некоторые виды новогвинецких орудий не всегда легко отличить от австралийских или тасманийских.

Однако если из «австралийских» копий в коллекции № 736 «вычесть» 1) копьё № 736-276 (Океания?), привезенное экспедицией Беллинсгаузена, 2) древко № 736-279, с большой долей вероятности происходящее с Новых Гвинец (коллекция Головнина),

а также 3) австралийскую острогу № 736-280, которая, судя по этикетке «Пика с Новой Зеландии» (знакомая географическая ошибка «по смежности» территорий!), принадлежит к экспедиции Васильева, останутся три предмета: зазубренный наконечник № 736-274 («плюс» древко № 736-279), копьё № 736-275, древко № 736-278. Если два из этих трех предметов могут быть определены как новогебридские, то древко № 736-278 является тасманийским орудием. Но тогда в коллекции № 736 вообще нет австралийских копий, которые можно было бы соотнести с экспедицией Беллинсгаузена.

Где теперь может находиться второе тасманийское копьё? Согласно пометке в Генеральной описи Музеума Адмиралтейского департамента, «два копия жителей Вандименовой Земли», поступившие от капитан-лейтенанта А. П. Лазарева, были «сданы в Академию» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1204. Л. 11–25]. Из всех других предметов такого рода в коллекции № 736 из общего океанийского ряда выпадает только один предмет — цельнодеревянное с зазубринами копьё № 736-215 (печатная «белая» этикетка «9» 1827 г.). К сожалению, надежно атрибутировать этот предмет методом этнографических аналогий пока не удастся. С копьём № 736-278 его роднит искривленное древко, сделанное по форме ствола дерева, из которого вырезано копьё. В данном случае допустимо сравнение с одним из копий на известном рисунке Паркинсона (см.: [Kaerpler 1978a: 250]). Вызывает сомнение то, что на этом копьё поставлен знак собственности, причем явно металлическим инструментом.

Для наглядности сведем результаты нашего анализа в табл. XXXII, которая показывает скорее то, что остается еще много вопросов. Представленная нами модель атрибуции не может считаться завершенной (непротиворечивой). Однако в качестве таковой она соответствует некоторым допустимым условиям, следовательно, ее элементы можно тестировать уже не вслепую, приводя имеющуюся информацию «в движение» по заданным ею правилам — путем либо привлечения новых данных, либо пересмотра уже известных.

Таким образом, казалось бы, незначительная по составу коллекция из ранних собраний МАЭ, считающихся австралийскими, распадается на пять поступлений по признаку принадлежности к различным экспедициям, связанным с именами, по крайней мере, пяти мореплавателей: С. Г. Скотта, Ф. Ф. Беллинсгаузена, М. Н. Васильева, А. П. Лазарева и В. М. Головнина. Причем некоторые из

Таблица XXXII

Предметы коллекции № 736	Регион	Собиратель, год поступления
Щит № 736-185	Австралия	С. Г. Скотт, 1808
Бумеранг № 736-186	Австралия	М. Н. Васильев, 1823
Щит № 736-187	Австралия	Ф. Ф. Беллинсгаузен, 1822 (?)
Копьеметалка № 736-188	Австралия	Ф. Ф. Беллинсгаузен, 1822 (?)
Палица № 736-189	Австралия	С. Г. Скотт, 1808
Палица № 736-190	Австралия	Ф. Ф. Беллинсгаузен, 1822
Копье № 736-215	Тасмания (?)	А. П. Лазарев, 1824 (?)
«Метательная палка» № 736-269	Австралия (?)	С. Г. Скотт, 1808
«Метательная палка» № 736-270	Австралия (?)	С. Г. Скотт, 1808
«Метательная палка» № 736-271	Австралия (?)	С. Г. Скотт, 1808
Деталь модели лодки («щит») № 736-273	?	?
Наконечник копья № 736-274	Новые Гебриды (?)	В. М. Головнин, 1816 (?)
Копье № 736-275	Новые Гебриды (?)	В. М. Головнин, 1816 (?)
Копье № 736-276	Океания (?)	Ф. Ф. Беллинсгаузен, 1822
Древко копья № 736-278	Тасмания (?)	А. П. Лазарев, 1824 (?)
Древко копья № 736-279	Новые Гебриды (?)	В. М. Головнин, 1816 (?)
Острога № 736-280	Австралия	М. Н. Васильев, 1823

этих вещей, возможно, новогембридского (из коллекции В. М. Головнина 1816 г.), тасманийского (из коллекции А. П. Лазарева 1824 г.) или действительно австралийского происхождения (из коллекции Скотта 1808 г.), могут оказаться принадлежащими к сборам участников путешествий Кука¹. Впрочем, даже если австралийские

¹ Скрупулезности ради к списку имен мореплавателей, привозивших в Россию вещи из Австралии в первой четверти XIX в., следовало бы добавить имя С. П. Хрушова, командовавшего шлюпом «Аполлон» в плавании 1821–1824 гг. В реестре сданных им вещей упоминается «Гирлянда из

предметы из коллекции Скотта нам не удастся прочно связать с именем Кука, датировка концом XVIII — началом XIX в. сама по себе повышает их этнографическую ценность. Географическую принадлежность отдельных предметов данного ряда в дальнейшем можно будет уточнить с помощью естественно-научных методов. Но уже сейчас ясно, что австралийское собрание первой четверти XIX в. из фондов МАЭ РАН по объему исторического прошлого намного превышает устоявшиеся представления.

перьев птиц Ново-Голандской» [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 764. Л. 28–29]. Судя по пометам в Генеральной описи, еще внутри Музеума Адмиралтейского департамента, в 1824 г., этот предмет был отнесен к зоологическим экспонатам и затем вместе с ними в 1828 г. передан Академии наук.